

**ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.Ю.ЛЕРМОНТОВА
В ТАТАРСКОЙ И ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ
(нач. XX в.): к постановке проблемы**

1. Восприятие и переводы произведений М.Ю.Лермонтова в тюркоязычных литературах России - мало изученная проблема в нашем литературоведении. Следует признать, что выявлению закономерностей и рассмотрению общих черт инонационального восприятия произведений М.Лермонтова, сравнительному изучению переводов произведений русского классика на тюркские языки современное литературоведение уделяет недостаточное внимание.

Вместе с тем в науке существуют отдельные исследования, дающие значительные представления о том, как жила поэзия М.Лермонтова в инонациональном читательском сознании, в культурной и литературной жизни тюркских народов. Так, в татарском литературоведении этой проблеме посвящались исследования Г.Нигмати, Э.Нигматуллина, Ю.Нигматуллиной, Р.Башкурова, Г.Халита. Переводы произведений Лермонтова на чувашский язык анализировались в работах И.Сутягина "Константин Иванов и русская литература", Владимирова Е.В. "Межнациональные связи чувашской литературы". Жизнь поэзии Лермонтова в казахской литературе рубежа веков рассматривалась в исследовании З.Ахметова "М.Ю.Лермонтов и Абай"; в узбекском литературоведении данный вопрос подробно изучался в монографии З.Умарбековой "Лермонтов и узбекская поэзия".

Сравнивая то, как жило творчество Лермонтова в межкультурном пространстве, можно утверждать, что *первыми* на тюркские языки переводились те его произведения, в которых центральное место отводится образу восточного человека и миру восточной культуры в целом. Именно данные образы и представления оказались наиболее созвучными татарским переводчикам рубежа веков, испытавших, как известно, сильное воздействие

восточных языков (арабского, фарси) и литератур, их поэтики, художественных традиций, жанров.

Так, в татарской литературе первым опубликованным переводом стала турецкая сказка "Ашик-Кериб" Лермонтова, созданная русским поэтом в 1837 году. К числу ранних татарских переводов, связанных с восточной темой, относится перевод главы «Бэла» из романа «Герой нашего времени» (1907). В роли переводчика выступил тогда Г.Карим, назвавший свое произведение «Черкез кызы. Хикаят», т.е. «Черкешенка. Повесть».

Интересно отметить, что тот же отрывок из романа Лермонтова ("Бэла") на узбекский язык был переведен и выпущен отдельной книгой в 1931 году, переиздан в 1937 и 1940 гг.

В начале XX века в татарской литературе усиливается внимание к и переводам лирических произведений русского поэта.

Подобная ситуация складывается и в других тюркоязычных литературах: чувашской, узбекской, казахской, туркменской и т.п. Например, в казахской литературе в самом конце XIX в. появляется перевод поэм "Измаил бей" и "Демон", а 20-е годы XX века ознаменованы созданием в чувашской литературе сказки "Ашик-Кериб" Лермонтова; то же произведение начинает жить на узбекском языке в 1938 году (переводчик У.Рахман). В этом же году оно переводится на национальные языки в туркменской и киргизской литературах (Э. Таганов, А.Токомбаев).

Представленный ряд примеров можно продолжить, но все они свидетельствуют о том, что в творчестве Лермонтова восточное (инонациональное) сознание пыталось найти черты "своей" культуры, "своего" миропонимания. Именно поиск "своего" в "чужом", "другом" определил в значительной степени возникновение большого числа *вольных переводов*, в том числе тех его произведений, в которых создан самобытный мир Востока с его неповторимой культуры и нравами.

2. Вольные переводы как особая форма диалога культур характерны, в первую очередь, для тех литератур, которые еще не осознали своей

уникальности. На рубеже веков в такой ситуации понимания своеобразия, самобытности мира родной литературы оказались многие тюркоязычные литературы. Так, татарская литература в начале XX века находилась как бы в ситуации развертывания, углубления индивидуально-авторского, личностного, что наиболее полно проявилось в переводах произведений М.Лермонтова. Усиление связей с русской культурой и языком в значительной мере позволило татарским поэтам осознать особенности жизни национальной литературы и обогатить ее новыми художественными формами, стихотворными размерами, литературными приемами. Отправной точкой такого диалога стал богатый мир русской классики, представленный именами М.Лермонтова и А.Пушкина.

По-своему подтверждает и иллюстрирует данную особенность жизни татарской литературы вольный перевод стихотворения М.Ю.Лермонтова "Жалобы турка" ("Төрөк шикаяте"), выполненный Сагитом Сунчалем в 1912 году, а также перевод Сагита Рамиева баллады "Перчатка (Из Шиллера, 1910)". В начале XX века Г. Тукай переводит на родной язык более 12 стихотворений Лермонтова: "Опасение", "Пророк", "Из Байрона", "Ответ" и др. Однако все они не являются переводами в устойчивом (инвариантном) значении этого слова. В основном они существуют как произведения, созданные по *мотивам* стихотворений Лермонтова, в них ярко проявляется точка зрения поэта на воспринимаемый текст. Большинство из них граничат с назира, т.е. ответами, откликами на воспринимаемые образцы.

Представленный ряд примеров можно продолжить, но все они свидетельствуют о том, что в творчестве Лермонтова восточное сознание пыталось найти черты "своей" культуры, "своего" миропонимания. Именно поиск "своего" в "чужом", "другом" определил в значительной степени возникновение большого числа *вольных переводов*, в том числе тех его произведений, в которых создан самобытный мир Востока с его неповторимой культурой и нравами.

3. Тот факт, что в татарской литературе рубежа веков традиция писать произведения в духе назира была устойчивой, позволяет понять, почему в переводах татарских поэтов нач. XX века, по сравнению, например, с переводами на чувашский язык, полнее выразилось субъективное восприятие лирики Лермонтова.

Вместе с тем, размышляя о характере таких переводов, следует учитывать язык, на котором создается перевод, и вид стихосложения, наиболее распространенный в национальной литературе. К примеру, большинство переводов Тукая произведений русской поэзии на татарский язык выполнены арузом (арудом). По мнению Х.Курбатова, аруз был "самым излюбленным метром у Тукая (впрочем, не только у него, но и у других тюркоязычных поэтов, применявших аруз) – рамаль с его двумя разновидностями: *рамали-и мусамман-и махзуф* и *рамал-и мусаддас-и махзуф*" [1. С.152]. Аруз, являющейся классическим стихотворным размером восточной (арабо-персидской и тюркской поэзии) поэзии, на котором создавались такие жанровые формы, как газель, касыда, рубаи, кыт'а, позволило Тукаю сильнее приблизить стихотворения М.Лермонтова к миру культуры "своего" читателя. В таких произведениях еще более заметным является стремление татарского поэта переосмыслить воспринимаемое содержание в свете "своих" художественно-эстетических и религиозных взглядов.

Однако, размышляя об арузе Тукая, следует отметить, что за арузом как классическим стихотворным размером, закрепился определенный комплекс идей и переживаний. Аруз, являясь особой художественной формой, был содержательным, подобно другим формальным категориям литературы, таким, как жанр или литературный род. Безусловно, аруз в творчестве поэтов средневековья – Низами, Саади, Джами, Хафиза – имел более богатое и устойчивое содержание, которое позволяло им создавать произведения разной художественно-эстетической и нравственно- психологической направленности. Арузом писались любовные и дидактические масневи,

трогательные газели и торжественные касыды, философские кыт'а и рубаи. Над Тукаем, хорошо знавшим литературу классического Востока, давлело устойчивое содержание аруза, но в татарской литературе XIX века аруз имел свои особенности. Содержание аруза было дидактическим, направленным на выражение нравственно-религиозных и просветительских идей. Обращение к нему татарских поэтов рубежа веков усиливало в читателях эффект ожидания, однако формы аруза в тукаевском варианте не могли в полной мере соответствовать по содержанию и формальным (метрическим) показателям, системе силлабо-тонического стихосложения.

Арузом в основном создавались длинные стихотворения, тяготеющие к сюжетности, повествованию, и такая особенность татарского стиха проявилась в большинстве переводов Тукая на родной язык произведений М.Лермонтова: "Сонра" ("Ответ", 1908), "Алдандым" ("Обманувшийся", 1908), "Тээссер" ("Влияние", 1908) и другие.

Иллюстрируем сказанное примером.

Стихотворение М.Лермонтова "К ("Я не унижусь пред тобой", 1832), ставшее предметом восприятия и перевода Тукая – стихотворение "Алдандым", - представляет собой страстный монолог, построенный как обвинение той, которая отвергла его любовь и не оправдала надежд. Монолог лирического героя, проникнутый силой чувства, яркими эмоциями, является образцом "эмоционального красноречия".

Не зная коварную измену,
Тебе я душу отдавал,
Такой души ты знала цену?
Ты знала – я тебя не знал! [2. С.125].

Произведение Тукая, созданное как подражание данному произведению, в целом сохраняет обличительный пафос стихотворения М.Лермонтова. В нем также основным является образ страдания лирического героя, который называет себя обманувшимся. Однако, если герой М.Лермонтова осмысливает факты своей биографии перед лицом целого мира (ради своей сильной и глубокой любви он "целый мир возненавидел"), то в произведении

Тукая такого нет. Главным в стихотворении Тукая является не обличение, а *описание* тех чувств, которые переживает лирический герой, обманувшейся в любви. В эмоционально-эстетическом плане подражание татарского поэта кажется более спокойным, оно лишено мстительной решимости, накала чувств. Напротив, лирический герой, вспоминая прежнее время, проведенное вместе с возлюбленной, не оставляет в этих воспоминаниях сильным переживаниям, прошлое для него – объект созерцания и раздумий. В стихотворении Тукая с помощью аруза подчеркнута выражен событийный ряд, позволяющий создать представление о некой истории утраченной любви, в которой было место обману, игре, неискренним чувствам.

Хуш, жаным!- сөймим хэзер сине вэ синнэн башканы;
Син сөя бир алда тагын берне – миннэн башканы!

Барча кызлар алдый, дим, һичберсе юк ки алдамас;
Кайсы кызлар алдамас соң, син фәрештәм алдагач!

Кич мине, мин башны бөкмим, мин үземчә хэзәр;
Син дә бер мәгрурә булсаң, мин дә бер мәгрур хэзәр [4. С. 97].

Прощай, душа моя! Всю страстность мечты моей тебе я отдал в плен.
А что ты дала мне взамен?

Все девушки нам лгут, нет правды ни в одной;
Как верить после этого девушкам, если ты, мой ангел, меня обманула!

Прости меня, не я склоню голову [перед тобой], я для себя хазар.
Горда и ты. Но я тоже тверд душой (подстрочный перевод).

Данное стихотворение по содержанию напоминает газель: в нем развиваются мотивы несчастной любви, любовного переживания, разлуки. Однако по форме подражание Лермонтову похожа на масневи с традиционной для этого жанра рифмовкой *аа, вв, сс* и т.п.

4. Иная картина восприятия поэзии Лермонтова складывается в *чувашской литературе* конца XIX-XX века. Она, как и другие национальные литературы Поволжья, была тесно связана с народным творчеством, фольклорными традициями, которые сформировали ту стихию, из которой возникла письменная национальная поэзия и литература в целом. Однако необходимо учитывать и другую особенность: чувашская литература, как и

многие литературы народов Поволжья, достаточно рано, в 18 веке, испытали влияние русского Просвещения, что определило их бытование как на национальном, так и на русском языках. "Русскоязычные произведения очень часто предшествовали и сопутствовали произведениям, написанным писателем на своем родном языке. Это объясняется, с одной стороны, обращением писателя к более богатым поэтическим традициям иноязычной письменной литературы; с другой – отсутствием возможности печататься на родном языке <...>. Эти и другие причины способствовали созданию в этих литературах мощного пласта русскоязычных произведений". [З. С.165]

Таким образом, отсутствие в чувашской литературе больших письменных традиций, восходящих к средневековью, не позволило создать собственные письменные образцы книжной поэзии на родном языке, как это происходило, например, в татарской литературе XIX - нач. XX вв. Как показывают исследования, в чувашской русскоязычной поэзии силлаботоника возникла еще в XVIII-XIX веках. Так, И.Яковлев, известный чувашский просветитель, сочинял стихи на русском языке 5 и 4 стопным ямбом. При этом, как полагает В.Радионова, "хорошо зная чувашскую народную поэзию, он заметил близость ямбических стоп к структуре чувашского народного стиха и стремился утвердить ямбическое ударение слова как норму литературного произношения" [Там же].

Подобная тенденция, связанная с приближением силлабо-тонической системы к народному силлабическому стиху, проявилась и в переводах произведений М.Ю.Лермонтова, созданных поэтами Н.Шуббосини и К.Ивановым.

В чувашской филологии проблема переводов произведений К.Иванова – классика национальной поэзии - является хорошо изученной. Ей посвящены исследования О.Владимировой, В.Радионовой, И.Сутягина и др. Опираясь на главные выводы данных исследователей, можно утверждать, что К.Иванов выбирал для перевода на родной язык такие произведения М.Лермонтова, которые по своей форме были близки к чувашскому короткосложнику

("Ангел", "Узник", "Горные вершины", "Чаша жизни", "Утес" и др.). Обращение к ямбическим короткосложникам было связано со стремлением поэта синтезировать русский силлабо-тонический стих с чувашской короткосложной силлабикой (с ритмической структурой 4+3 и 4+4).

Исследователи также выделяют в переводах К.Иванова тесную связь ударения с вертикальной цезурой, что особенно полно проявилось в переводе на чувашский язык стихотворения "Парус" Лермонтова (1907) [3. С.168].

Сравнительный анализ показал, что в своем переводе "Паруса" К.Иванов оказался верным воспринимаемому произведению. Стихотворение Лермонтова написано 4-х стопным ямбом (рифма имеет тип АБАБ); для своего перевода чувашский поэт использовал силлабический стих, однако, как полагают исследователи, силлабическая структура этого произведения близка к силлабо-тоники. Здесь, по мнению В.Радионова и О. Владимировой, изучавших данный перевод, часть функции словоразделов падает на словесные ударения, что создает ощущения соотнесенности ударения и ритма иноязычного произведения лермонтовскому образцу.

Конкретизируем сказанное подстрочным переводом на русский язык произведения К.Иванова.

Одинокий парус видится белым
В тумане синего моря...
Что вдалеке, на чужбине он ищет?
Что оставил он в доме родном?

Плещут волны, ветер свищет,
Столб гнется шатр-шатр...
Но парус не ищет счастья,
И не убегает от счастья.

Светлое течение под ним,
Над ним светит золотое солнце;
Беспокойный! В шуме бури
Будто есть покой, он просит бурю (Пер. - И.Софроновой).

Размышляя о причинах наибольшей адекватности, соотнесенности переводов произведений М.Лермонтова в чувашской литературе начала XX века (по сравнению с переводами на татарский язык), следует учитывать

следующую языковую особенность. Чувашский язык, относящийся к числу тюркских национальных языков, не имеет устойчивого ударения на последнем слоге, а отличается подвижностью ударной позиции. В наибольшей степени такое акцентологическое свойство характерно верхового диалекта чувашского языка. Данная акцентологическая особенность чувашского языка позволила тоническому (силлабо-тоническому стихосложению) развиваться достаточно органично и в сфере чувашского фольклора, и национальной письменной поэзии на родном языке.

Таким образом, наше исследование подтвердило, что на рубеже веков русская литература в лице Лермонтова вызвала в тюркском национально-художественном сознании особый диалог, направленный на понимание разных граней творчества русского классика.

В каждой из национальных литератур России поэзия Лермонтова раскрывалась своим неповторимым содержанием, актуализируя в сознании тюркоязычных авторов потенциальные, глубинные смыслы его произведений. Однако, справедливо утверждать, что в каждом рассмотренном выше случае такой диалог был уникальным, свидетельствующем о разной степени восприимчивости и понимания поэзии Лермонтова. Так, сильное воздействие русского языка на становление чувашской письменности и литературы, а также влияние национального фольклора не позволил первым чувашским поэтам – К.Иванову, Н.Шубоссини – наиболее полно выразить свое индивидуально-авторское, личностное отношение к поэзии Лермонтова. В свете такого восприятия переводы на чувашский язык поэзии Лермонтова должны войти в область сравнительного анализа, направленного на выявление сходств, элементов общности.

Совершенно иначе творчество Лермонтова жило в татарском художественно-поэтическом сознании. Это объясняется тем, что татарская литература начала XX века была преимущественно книжной и имела в кругу

литературных традиций, такую форму переложения иноязычных произведений как назира.

Вместе с тем, в том, как воспринималась и переводилась поэзия Лермонтова в тюркоязычных литературах, можно выделить и общие тенденции, указывающие на инвариантные черты восточного художественного сознания.

Сравнивая переводы произведений М.Ю.Лермонтова на тюркские языки, мы убедились, что трансформации, возникающие в них, были объективными, вызванные воздействием национального своеобразия литератур, и, прежде всего, сложившихся в них художественных форм – литературного жанра и стихотворных размеров. Содержательность данных форм, воздействуя на художественно-эстетическое сознание тюркских поэтов, обусловила возникновение тех вариантов переводов стихотворений русского классика, в которых заметной была точка зрения переводчиков на воспринимаемый текст и эстетическая интерференция. Наиболее полно и ярко это проявилось в татарской литературе, в творчестве Г.Тукая и С.Рамиева. Справедливо утверждать, что такие расхождения более всего характерны для тех национальных литератур, которые испытали сильное воздействие восточной поэтики, и имели богатые письменные традиции; в других же тюркских культурах, таких как, например, чувашская, расхождения в плане формы произведения были менее существенными.

Список литературы

1. Курбатов Х. Ритмика татарского стиха / Х.Курбатов. – Казань: Изд-во ИЯЛИ, 2005. – С.52.
2. Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 2 томах. /М.Ю. Лермонтов. – Москва: Правда, 1988. – Т.1.
3. Радионов В.Г. Чувашский стих / В.Г.Радионов. – Чебоксары, 1992. –С. 165.
4. Тукай Г. Избранные сочинения: В 2 томах /Г.Тукай. – Казань: Татар. книж. изд-во, 2006. – Т.1. (на татар языке)
5. Умарбекова З. Лермонтов и узбекская поэзия (К проблемам теории перевода и литературных связей) / З.Умарбекова. – Ташкент: Изд-во "Фан", 1973. – С.11.